

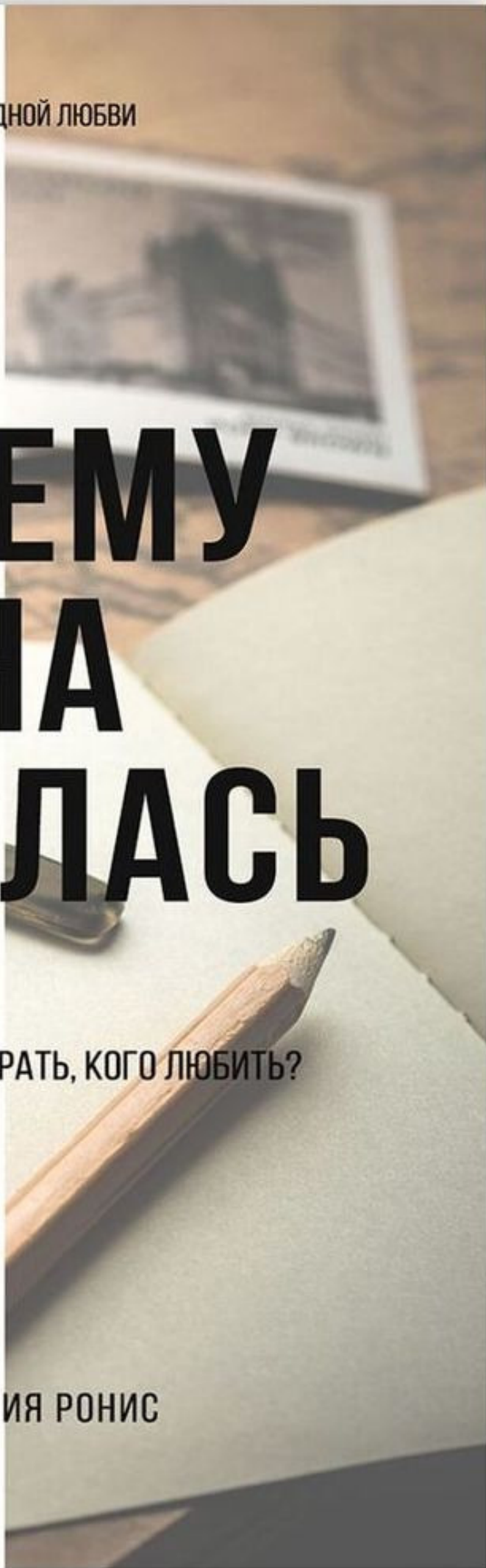
18+

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ

ПОЧЕМУ ОНА ОСТАЛАСЬ

МОЖЕМ ЛИ МЫ ВЫБИРАТЬ, КОГО ЛЮБИТЬ?

АНАСТАСИЯ РОНИС

Анастасия Ронис

**Почему она осталась. Можем ли
мы выбирать, кого любить?**

«Издательские решения»

Ронис А.

Почему она осталась. Можем ли мы выбирать, кого любить? /
А. Ронис — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856176-4

Любовь — это не то, к чему они стремились. Но именно она стала спутником их жизни, маяком, по следу которого они находили дорогу домой. Любовь стала опорой для них, неугасающим пламенем в бесконечном темном коридоре, где блуждают миллионы сломанных судеб и несбывшихся надежд. Эта история об одиноких сердцах, о мужчине и женщине, которые не ждали любви, но волей случая нашли ее. Сумеют ли они теперь не поддаться своим призракам и страхам и не разрушить то, что делает их счастливыми?

ISBN 978-5-44-856176-4

© Ронис А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
1	7
2	8
3	10
4	15
5	19
6	22
7	27
8	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Почему она осталась Можем ли мы выбирать, кого любить? Анастасия Ронис

© Анастасия Ронис, 2019

ISBN 978-5-4485-6176-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Когда-нибудь каждый из нас оказывается на перроне, готовый вот – вот произнести последние прощальные слова человеку, которого никогда больше не увидишь. Казалось, еще каких-то пару часов назад он был важной, если не основной частью жизни. Но уже сейчас ты, проглотив тайком предательские слезы расставания, говоришь «прощай», точно зная, что все фразы, пропитанные ускользающей надеждой вновь увидеться – лишь мираж, холодный призрачный улетевших дней, которые больше не повторятся. И вы стоите вдвоем, делая вид, что все хорошо, а дальше будущее, наполненное бесконечными шансами на свидание, искренне врете, что за горизонтом вас ждет привал, пауза, которую вы сможете заполнить друг другом.

1

Смотря в его печальные глаза, где, словно в зеркале отразилось все негодование, надежда и, как итог, смирение, она подумала о своем первом расставании, с которым ей пришлось столкнуться еще в далеком детстве. Когда ее лучшего друга, кем она считала конопатого парнишку с ярко рыжей всегда взъерошенной челкой, жившего по соседству, вдруг как-то рано утром куда-то увезли. Слезы, противные взрослые, которые даже не подумали отпустить ее к нему, и пыль, серая, густая пыль, медленно поднимавшаяся к горизонту, затмевающая последнюю надежду на единственное «прощай». Это все, что осталось ей от воспоминаний, казалось бы, об обыкновенном дне далекого детства, который точно также мог бы стать ярким и солнечным, но вдребезги разбился у берега разочарованных надежд.

Последовавшие затем недели невосполнимого одиночества, которое ощущается так остро лишь в годы детского максимализма, подчеркнутое внезапным переездом в неизвестное ей место, заранее воспринимавшееся предвзято, резко очертили ей осознание двух вещей. Первое – расставания приносят тяжкую боль, второе – чувство боли связано с объектом, из-за которого оно испытывается, нет объекта – нет боли. Опыт, преподнесенный ей судьбой столь рано, оставил довольно глубокий отпечаток на еще неокрепшей душе, неосознанно определив все последующие принимаемые ею решения. Каждый раз, интуитивно чувствуя растущую душевную и эмоциональную близость с человеком, она рвала все связи и убегала, неосознанно прячась в своем глубоком мире, укрытом от предательств и слез далеко внутри.

Только спустя годы она узнала, что ее не успевший повзрослеть взъерошенный друг был серьезно болен, и, не сумев окрепнуть при лечении, скончался в больнице спустя несколько дней после спешной госпитализации. Маленькая девочка внутри нее еще больше съежилась от внезапно нахлынувших воспоминаний об утрате, теперь уже невосполнимых никогда, и пообещала себе прощаться навсегда, не оглядываясь на прошлое и не оставляя шанса на надежду о новой встрече.

Все ее последующие расставания сводились к почти сухому «прощай» и непоколебимому стремлению прочь. Ни разу в жизни она не позволила себе оглянуться, даже искоса взглянуть на покидаемого ею человека. Она бежала прочь от эмоций и привязанностей каждый раз, когда это могло бы стать нечто сильным и большим. Лишь девочка внутри нее продолжала съеживаться и сильней сжимать маленькие кулачки.

И сейчас она смотрела на него, пытаясь отстраниться от своих чувств, от которых она так и не смогла укрыться, с головой окунувшись в его мир любви и нежности. Сильнее прикусив губу, она попыталась улыбнуться, что получилось несколько неловко. «Это всего лишь, еще одно прощание, еще один побег», – убеждала она себя, И вроде бы, каждое движение, каждое слово было знакомо и предсказуемо, а ожидаемая черед перемены в ее жизни не предвещала никакой тихой гавани в открытом бескрайнем океане человеческих судеб. И завтрашний день должен был стать обычным днем, и ничего не должно было измениться в ее жизни. Но она ошибалась. В этот раз все было по-другому.

2

В свои 28 она была довольно симпатичной девушкой невысокого роста с приятной фигурой, наивными зелеными глазами и коротким бобом, выкрашенным в яркий красный. Ее любимый свитер синего цвета уже давно выцвел, но он до сих пор идеально смотрелся с узкими темными джинсами и кроссовками, которые она предпочитала практически любой другой одежде. Изучив гуманитарные науки сполна, после выпуска она устроилась в столичный журнал о путешествиях, в котором еженедельно публиковались ее статьи о быте, привычках, традициях различных городов и сел ее необъятной Родины. Так как городов много, а она одна, переезжать ей приходится довольно часто – больше, чем на полгода она нигде не задерживалась. Диктофон, блокнот и ручка заменили ей семью и друзей, чему она, впрочем, была даже рада, постоянно улыбаясь своему потрепанному чемодану, радуясь огромному кругозору, бесконечному потоку новых знакомств и интересных историй. При этом, довольно вспыльчивая ее натура гармонично сочеталась с тихим темпераментом, изысканным чувством юмора и нечеловеческим упорством.

Жизнь ей казалась открытой книгой с интересными картинками и увлекательными приключениями. На карте мира она нигде никогда не значилась, одновременно пребывая в совершенно разных местах, ее голова постоянно была забита мыслями о дороге, новых мирах, знакомствах и повествованиях, частью которых она волей судеб становилась на короткий промежуток времени, являвшийся важным для нее и совсем незначительным для Истории.

Каждый новый город представлялся ей новой неисследованной планетой. Она любила знакомиться с ней, прикасаться к ее истории, чувствовать связь с ней через старые каменные стены, высокие дома, деревянные брусья небольших строений, ветвистые улицы, темные переулки. Уголки новых городов будоражили ее фантазию, отправляли ее в мир воображения, совершенно отрывая от реальности. И в этом ее воображаемом мире не было места для реальных людей, которые при всей глубине и, может быть, трагизме своих историй, казались ей несколько поверхностными и ненастоящими. Возможно, именно это свойство помогало ей сохранять спокойствие и хладнокровие по отношению к людям, иногда так рьяно стремящимся стать частью ее жизни.

Нигде не задерживаясь, она чувствовала себя свободной птицей, покоряющей небеса, стремительно взлетающей вверх. Ей не хотелось останавливаться и приземляться. Это определяло бы необходимость более глубоких отношений с людьми, которые ее окружают, в чем она не видела никакой необходимости. Она жила одним днем, гордо смотря вперед и никогда не оглядываясь назад. Огромных планов на будущее у нее не было, как и постоянных увлечений, кроме странного хобби, появившегося как результат ее решений и сделанного выбора.

Она коллекционировала расставания. Довольно грустное хобби, не правда ли? Однако оно совсем неплохо разбавляло ей наиболее одинокие вечера. Для того, чтобы не забыть всех, кому произнесла свое «прощай», она завела небольшую записную книжку в кожаном переплете. Здесь значились все – ребята, которые когда-то были частью ее школьной поры, однокурсники, олицетворявшие студенческие годы, пролетевшие, как мгновение, яркое, но неизменно короткое и навечно оставшееся в памяти веселой неутомимой молодости давно грянувших дней. Родственники, далекие и немножко близкие, все, кого она когда-то встречала в своей совсем недолгой жизни, теперь значились черными или синими чернилами на мягкой бумаге легкого кофейного оттенка.

Ее романам была отведена отдельная часть блокнота. Конечно, как и другие девушки, на первый взгляд совершенно на нее не похожих, она влюблялась много, но, ни разу навсегда. Каждая привязанность олицетворяла некий период ее жизни, который проходил так же быстро, как солнце сменяет луну, предвещая наступление нового дня. После столь быстро завершен-

ных романов на ее губах почти никогда не оставалось сладкого послевкусия, лишь горечь расставания, столь рьяно подчеркивающая ее внутреннее ощущение убежденности в своей правоте – уходить и никогда не возвращаться. Даже со временем, перечитывая имена, слегка небрежно вписанных в записную книжку, она была уверена в правильности своих решений и непоколебимости собственных действий. Однако лунные вечера время от времени подтачивали ее на размышления, могла ли она остаться, задержаться хотя бы на мгновение с кем-нибудь из тех, кто смог задеть уголки ее сердца, надежно спрятанного под толстой оболочкой самоконтроля и цинизма, осознанно взращиваемых годами. Итог таких размышлений был один – у всего есть свое завершение, рано или поздно сказка заканчивается, и книга закрывается, смысла в искусственном поддержании жизни давно умершей скучной и никому уже неинтересной истории совершенно нет. Роман завершался, словно захлопывалась тяжелая железная дверь со старым чугунным засовом, плачущим при каждом прикосновении, и больше не начинался никогда.

Наиболее яркие фигуры, которые запомнились ей своей непревзойденной харизмой, неоправданной самоуверенностью или кричащим раскрасом она старалась запечатлеть на свой маленький полароид, выживший спустя почти полвека после своего появления. Он достался ей в наследство от бабушки, бурно проживавшей молодость, о чем почти кричали ее фотоснимки, сохранившие самые счастливые моменты. В памяти бабушка сохранилась в образе неугомонной морщинистой маленькой женщины, вечно ждущей наступления весны, которая так больше и не смогла зацвести в ее душе. Бабушка навсегда осталась для нее далекой и непонятной, женщиной, обнимать которую хотелось ровно с такой же силой, с какой хотелось убежать от нее прочь. Но старенький полароид хранился и оберегался ею со всей той трепетной любовью, на которую она была способна.

3

Одним зимним вечером, когда снег уже засыпал всевозможные дороги, а теперь продолжал заносить дворы, превращая их в большой снежный ком, она сидела у камина, традиционно разглядывая свои имена, надежно спрятанные в записной книжке и фотографии. На последних из них, сделанных всего пару дней назад, улыбалась женщина лет 50-ти в шляпе с неприлично огромными полями розового цвета и ярко зеленом платье. Но, ни шляпа, ни платье, и даже ожерелье, безобразно перерезавшее шею женщине маленькими неуклюжими бусинками кораллового цвета, не привлекало ее внимания, как мужчина, неловко обнявший даму в шляпе за талию. Эта женщина была его матерью, заставившая его встать рядом с ней при щелчке фотоаппарата, дабы завершить главную мысль ее истории.

Мужчина лет 30, на первый взгляд, не обладавший никакими выдающимися достоинствами и яркими чертами лица, все продолжал приковывать к себе ее внимание. Вот она разглядела его родинку, тихо спрятавшуюся под левым глазом, тонкие морщинки в уголках рта, говорящие о постоянных улыбках, пару волосков явно седого цвета, наивно прячущихся за черные короткие локоны, аккуратно убранные за ухо. Маленькие трещинки на губах, несколько веснушек, стеснительно разбросанных по всему лицу, слегла усталый взгляд, в котором, несмотря на серость, все еще виднелся огонек, готовый разгореться в любую минуту – все это она увидела и полюбила.

Впервые испытывая столь странные чувства, сначала она перепутала их с научным интересом, но чем дальше продолжали тикать старые часы, говоря о смене одного, второго часа, тем четче становилось ощущение некой привязанности, влекущей ее к незнакомому человеку. Пытаясь отогнать от себя мираж, она вложила фотографию в блокнот, вызывая захлопнув его в порыве своего негодования. Последующие часы до наступления глубокой ночи она провела за написанием своей статьи.

«Любовь. Слово, созданное для того, чтобы объяснить этот поток эмоций, чувств и мыслей, внезапно или со временем, появляющихся внутри человека. На всех языках мира это слово звучит практически одинаково. Здесь дело даже не в схожести букв, а в близости звуков, ощущений при его произношении. Сладость губ и горечь расставания, жар тела и холод безразличия – коктейль, созданный для всех желающих ощутить вкус любви, испытать на себе всю тяжесть и легкость столь сильных чувств, уводящих за горизонт, одновременно толкающих в пучину.

Их история похожа на многие легенды, гласящих о несчастной любви, прощении и смерти. Война. Женщина, возвращенная на деревенском молоке, и мужчина, воспитанный в суровых военных традициях. Каждый из них в своей стране считал другого чужеземцем. Их союз был также невозможен, как если бы стриж решил стать курицей и спустился на землю навсегда, променяв бесконечность неба на ощущение полной безысходности. Однако они нашли способ быть вместе, ненадолго, не насовсем, и дни, проведенные рядом друг с другом, подарили им сына, воспоминания о мгновениях счастья и не утраченных за годы жизни чувствах. Спустя несколько дней его мертвое тело было отослано обратно к семье в его родной город, а она осталась одна наедине со своей тихой скорбью».

Поставив точку, она потушила свет и отправилась спать. Спокойная, глубоко погруженная в мысли, медленно уводящих в размышления о собственной судьбе, чувствах и человеке, способного ее остановить, она двигалась не спеша, выверяя каждое свое движение. В ту ночь ей так и не удалось уснуть. Мысли, плотно засевшие у нее в голове, не позволили насладиться миром сладких сновидений. Она поднялась с кровати с первыми лучами утреннего солнца, вся разбитая и уставшая. Приняв прохладный душ и выпив чашку сладкого кофе с молоком, отдаленно напоминающий ее любимый латте, она так и не смогла собрать воедино себя. Но,

вернувшись в спальню, вскоре она поддалась призывам мягких перил, и от бессилия рухнув в постель, наконец, уснула.

Ей снились берега, далекие белые песчаные берега, по которым еще не ступала нога человека. Белоснежные дюны сливались с океаном, лазурным и безмятежным, таящим спокойствие не наступившего дня. Яркое солнце, разрывая беспечные облака, медленно спускало свои лучи на песок, бескорыстно отдавая ему свое тепло и свет. Гармония царила вокруг маленькой вселенной, возникшей в фантазии спящей молодой женщины. Лишь только внимательный наблюдатель, длительное время следивший за бытием придуманной земли, сможет разглядеть в нем необытный хаос, заволакивающий все вокруг.

Настоящий отряд маленьких крабов абрикосового цвета отважно направился сквозь дюны к воде. Бугор за бугром они отчаянно преодолевали, волоча за собой пучок скомканных водорослей. В них, запутавшийся, случайно выкинутый волной лежал морской ежик, хмуро выпучив свои колючки. Их путь был долог, пески казались бесконечными, солнце слишком палящим, а внезапно вылетевшая чайка, разорвавшая своим мощным телом облака, и вовсе представилась ужасающей. Огромные крылья словно затмили свет, отправив их во мглу молчаливой тени. Внезапно охвативший страх сковал на мгновение отряд, однако тут же внутренний инстинкт взял верх, и крабы пустились врассыпную. Еще через мгновение, вспомнив, что они – отряд, крошечное войско, посланное на спасение морского ежа, собрались вместе, образовав защитный щит, состоявший из выпученных заостренных клешней. Но не ежу с его колючками стоило опасаться птицы. Инстинкт животных был силен, однако воспитанное когда-то возникшее, а затем подкрепленное ответственностью чувство долга пересилило ощущение страха, и подтолкнуло крабов к последнему рывку.

Белые пески далеких берегов продолжали наслаждаться теплом летнего солнца, океан все также был безмолвным, облака продолжали нестись в своей тихой гонке, вокруг на этом маленьком фантазийном кусочке суши ощущалась безграничная гармония. Лишь чувство животного страха, медленно растворяющееся в соленом воздухе, все еще застыло в нескольких шагах от воды, где застыл ежик, замертво схватившийся за крошечные песчинки.

От невыносимо громкой тишины своего сна она проснулась в мелком поту. На улице солнце уже закатилось за горизонт, предвещая наступление очередного зимнего вечера, не предвещавшего ничего необычного и удивительного. Чувство разбитости, разлетевшейся себя на мелкие кусочки, еще осталось. «Какой дурацкий сон, – подумала она и встала с кровати, – мне определенно нужен кофе». Добравшись до кофейника, она вылила остатки утреннего кофе в стакан с желтыми уточками, спокойно плавающих в маленьком пруде, она заглянула в холодильник, который, по традиции, тихо плакал почти каждую ночь от голода и абсолютного невнимания к себе. Ощувив призывы и пустого желудка, она вспомнила о том, что уже давно не чувствовала вкуса еды и, решив пойти всем на уступки, собралась в магазин.

Специально для подобных мероприятий, если честно, то и для большинства других, ее ждали удобные огромные валенки нежно кремового оттенка, вязанная шапка цвета лазури и соответствующий цветовой гамме пуховик. Обмотав вокруг шеи теплый толстый шарф, она вышла на улицу, где хлопьями падали снежинки, казавшиеся ночными звездами, рухнувшими с небес.

Дома утопали в сугробах, которых город не видел уже давно. Снег все шел, несмотря на возмущения метеослужбы и горожан. Никто не был готов к наступлению такой зимы, которая, наконец, заставит большинство живущих и работающих осознать всю суровость красоты и мощи циклонов, заполнив каждый двор и каждую улицу мягким белым снегом. Люди весело и суетливо пробирались сквозь сугробы домой – это был настоящий праздник для детей и уже повзрослевших когда-то бывших подростков. Шум веселых голосов разлетался по всем улицам, в разные стороны устремлялись снежки, слепленные как-то неуклюже, где-то уже почти создался снеговик. Жизнь чувствовалась в каждой упавшей снежинке, которая, словно по вол-

шебству или по повелению Ледяного Джека распространяла задор и легкую непосредственность, присущую лишь беззаботным и лишенным всякой ответственности годам нашей жизни.

Столь необычной погоды для столь обычного города совсем не ожидали и водители, которые, забившись в свои автомобили, пытались переварить сложившуюся ситуацию, в надежде отыскать возможность все-таки проехать по засыпанным снегом дорогам. Однако, пробка, образовавшаяся в результате снегопада, темное время суток и естественная запоздалая реакция на случившееся отвечающих за безопасность города, обескураживали и выводили из себя даже самого терпеливого автомобилиста. Вскоре и так оживленная улица пополнилась разнообразием звуков автомобильных сирен и возмущенных выкриков водителей. Кто-то с вполне серьезными намерениями покинуть свою машину, уже выскочил из нее, вызывая хлопнув дверью, и направился вдоль дороги, размахивая своим кожаным портфелем цвета крепкого кофе. Но дежурный полицейский, который совсем не так планировал провести свой вечер – вместо грязных улиц он уже должен был оказаться дома рядом со своей любимой супругой, не дал ему пройти и несколько шагов. Он достаточно строго попросил мужчину вернуться в автомобиль, дабы не усложнять и без того усугубившуюся ситуацию. Мужчина с портфелем, хотел было возмутиться и приступить к отстаиванию своих прав и декларированию обязанностей полицейского, как вдруг смутился, повернулся и смиренно сел в автомобиль.

Разительные перемены в его поведении объяснялись просто – бросив любопытный взгляд на перекресток, он увидел довольно грустную картину – в метрах пятнадцати посреди дороги в снегу сидела маленькая девочка лет восьми с большими растрепанными бантами розового цвета и безудержно редела, прижав к себе такого же розового слона примерно дюймов семь размером. Ближе к обочине, прижавшись к фонарному столбу, стояла машина, замершая после неудачного отворота в сторону от ребенка. Водитель автомобиля, уже успокоившись, рассказывал сотрудникам полиции свою версию событий, а ребенок все сидел и плакал. Полицейские, которым необходимо было убрать ребенка с дороги, никак не могли совладать с истерикой маленькой девочки. Слегка растерявшиеся представители правопорядка, не сумев убедить ее уговорами, начали действовать более резко – обхватили руками ребенка вокруг талии и унесли его на обочину. Девочка в это время продолжала реветь, беспокойно дергая руками и ногами, не забывая время от времени применять в свою защиту ни в чем не повинного розового слона. Уже навстречу к ним спешили только подъехавшие работники скорой помощи, громыхая своими аптечками. Но и они ничего не смогли сделать с безутешной истерикой ребенка. Девочка усиленно продолжала реветь. Ее крики успокоились лишь тогда, когда на горизонте появилась перепуганная мать, бегущая через перекресток, одновременно выплескивая из себя бурю накопившихся эмоций.

Внимательно наблюдая за происходящим, она старалась сохранить увиденное в более мелких подробностях, запечатлеть в своей памяти каждое слово и движение, чтобы позже разразиться трогательным текстом о нерадивой женщине и ее непослушной дочери на нескольких страницах своего журнала.

Спустя пару часов все словно исчезло под покрывалом наступающей на пятки ночи, автомобили разъехались, люди разбежались, пустые улицы под бледным светом фонарей стали казаться еще более одинокими, случайные прохожие – более чужими и далекими друг от друга. Постепенно окна начали зажигаться желтыми и голубыми цветами, где-то слышался детский смех, а иногда тишина прерывалась настойчивым воем хозяйских питомцев.

К слову, история на дороге одним зимним вечером закончилась совершенно благополучно. Как впоследствии навела справки наша героиня, девочка, стоя посреди большого супермаркета, внимательно и увлеченно рассматривала новую историю приключений супергероев, изображенной на коробке с хлопьями для завтрака. Обернувшись спустя пару минут, она вдруг поняла, что оказалась совсем одна – матери, с которой она пришла, крепко держась за ее руку, нет. В нарастающей панике девочка начала бегать среди, казалось, пустых прилавков,

судорожно произнося «мама». Маленькие кулачки все сильнее сжимали мягкого слона, взгляд метался в разные стороны. Она запаниковала, но тут, увидев светящуюся надпись «выход», без доли сомнения она моментально выскочила на парковку магазина. Но и здесь оказалось пусто. Уже не понимая, что делать, забыв все когда-то озвученные ей правила поведения в экстренных ситуациях, она начинала всхлипывать, верно двигаясь к дороге. В минуты охвативших эмоций, чувства страха, одиночества и потерянности, девочка не заметила, как оказалась посреди перекрестка, снег падал с новой силой, а впереди в свете фар сигналил автомобиль, спешно, поворачивавший в кювет.

В то время, когда ребенок пытался справиться со своими страхами, женщина в панике бегала по всему магазину, останавливая каждого покупателя и продавца с молящими вопросами о своей дочери. Буквально вот-вот она крепко держала девочку за руку, но тут, как, ни банально, зазвонил телефон, заставив отпустить ребенка на совсем короткий промежуток времени, как ей показалось. Она была уверена в том, что девочка следовала за ней, но, положив телефонную трубку в карман своего длинного зеленого пальто, женщина поняла, что потеряла дочь. В первый раз за восемь лет постоянной предосторожности она почувствовала внутри панику и жуткий страх за себя и своего ребенка, которого могла и не найти. Пробежав по всему магазину, женщина выбежала на парковку. Не найдя следов своего ребенка и там, она пробежала вокруг супермаркета и принялась искать девочку в округе. Снег уже расходился, без света фонарей на улице становилось слишком тускло, картина впереди вытянутой руки сливалась воедино, очертания домов и машин стирались, безнадежность медленно сползала на плечи еле сдерживающей себя женщины. Обыскав все ближайшие парки, она возвращалась к супермаркету, как вдруг уловила шум, крики и детский плач, доносившийся с перекрестка противоположной ее поискам стороны улицы.

Ее работа уже давно оставила след на восприятии действительности. Цинизм и хладнокровность стали ее призмой, через которую она смотрела на мир, слушала истории своих героев, созерцала трагедии человеческих судеб. По-другому, конечно, быть не могло, так как если переживать по каждому поводу и без, может оказаться так, что внутри больше не останется никаких эмоций, да и к тому же, речь идет о предвзятости и профессионализме стороннего наблюдателя. Однако, несмотря на внутренние доводы, маленькая девочка внутри нее чуть не заплакала от восторга, когда мама и ее дочь встретились в теплых объятиях, вытирая свои слезы, прижимались друг к другу все крепче и крепче.

Сбросив с себя ненужные эмоции, она двинулась дальше в сторону своего будущего ужина. Зайдя в единственный в городе большой супермаркет, где совсем недавно кипели недетские страсти, она направилась в отдел молочной продукции. Заприметив разнообразие йогуртов, сывороток и творога, ее желудок беспомощно сморщился, издав возмущенный мурлык. Она не обратила на это внимание и остановила свой выбор на литровой банке йогурта клубничного вкуса. По пути к кассе, все же, чувство голода возобладало, и она машинально схватила с полки какие-то сухие закуски и еду быстрого приготовления.

В размышлениях о пережитых эмоциях она в очередной раз проигнорировала несмолкающие призывы ее желудка и решила прогуляться. Неспешно выйдя из магазина, девушка направилась по заснеженному тротуару в сторону местного парка. Вечер становился все глубже и по улице, случайно застигнутые светом фонаря, все чаще стали проскальзывать молоденькие парочки, словно птички прижимающиеся друг к другу. Они что-то щебетали о любви, романтике, луне и звездах. В чудном ворохе зимнего танца влюбленные проносились вокруг нее, оставляя после себя еле уловимый аромат цветочных духов, приправленный девичьим счастьем и юношеским восторгом. Свора детей, болтающихся под ногами прохожих, веселым смехом разбавляла чрезмерную романтичность улицы.

Оживленность ее забавляла, увлекала с собой, подталкивала к не обязывающим пустым диалогам с людьми, с которыми больше никогда не встретишься, горячие витрины манили

своим теплым светом, ароматы выпечки соблазняли ее тонкий вкус – жизнь была ключом в эти несколько часов ускользающего дня. Она жадно вглядывалась в витрины, пока не остановила свой взгляд на аппетитных булочках. Не удержавшись от соблазна вкусить теплую ватрушку, посыпанную мелкой крошкой карамели, она нырнула в небольшое кафе, напоминавшее ей маленькую Францию в далекой морозной Долине грез. Внутри она отметила изящный вкус хозяев, европейскую утонченность в выборе интерьера, гармоничность цветовой гаммы теплых коричневых оттенков мебели, легких шорох накрахмаленной скатерти, домашнюю обстановку и манящие запахи, доносившиеся из кухни. Карликовые розочки украшали небольшие круглые столики, большинство из которых уже были заняты беспечными романтиками зимних фонарей, ажурные шторы подчеркивали убранство резных рам, морозные узоры, появившиеся практически на всех окнах, вносили еще один аккорд в уют и теплоту случайной для нее кофейни.

Атмосфера дополнялась чутким ощущением красоты польских ноктюрнов Фредерика Шопена, мысли улетали далеко, тело наполнялось теплом, лицо озарялось светом искренней улыбки.

Взяв горячий латте и ватрушку, она собиралась идти дальше, как вдруг ее внимание привлек молодой человек, увлеченно читающий какие-то записи, слегка небрежно лежащих на темно-синего цвета папке. Серый джемпер подчеркивал его большие плечи, темные локоны, аккуратно убранные за ухо, несколько веснушек, родинка – мужчина сидел в очках рядом с окном, не обращая ни малейшего внимания на бегущую рядом жизнь, внимательно листая страницу за страницей стопку любовных писем писателя Эриха Марии Ремарка к актрисе Марлен Дитрих.

4

Его история началась 32 года назад в забытой всеми богами маленькой деревушке, занесенной снегами. Отца он никогда не знал, а мать, будучи из тех, кто любит слепо жизнь, несмотря на все невзгоды, несчастья и разочарования, всегда старалась заполнить его внутреннее пространство чрезмерной опекой и безмерной материнской любовью. Но даже несмотря на ее беспрерывные вмешательства в его частную жизнь, мальчик рос спокойным и уравновешенным ребенком, увлекался чтением и мировой историей. В возрасте 14 лет вместе с матерью он покинул свою деревушку, навсегда оставив пошатнувшийся старенький домик, грустно склонившийся к горизонту потухших огней.

В новом городе они устроились достаточно быстро. Женщина открыла небольшой магазинчик женских и мужских шляпок, мальчик отправился в местную школу, где, пережив первые тревоги, стал ярким примером популярного подростка. Школьные достижения отразились на дальнейших успехах университетской стези, которые плавно перетекли в его научную деятельность. Сейчас он читал лекции по мировой литературе на филологическом факультете местного университета.

Среди научной общественности его знали как преподавателя с прогрессивным взглядом на литературу, отличающего преданностью авторам «потерянного поколения», о которых он написал несколько научных трудов, убежденностью в своих принципах и обостренным чувством справедливости. Его мнение было уважаемым и ценным даже для элиты преподавательского совета, несмотря на его молодой возраст. Его лекции пользовались большой популярностью – иной раз, собирая зрителей из близлежащих городов и сел. Ему пророчили большое и светлое будущее в университетах мирового уровня, однако он предпочитал корпеть над знаниями своих студентов в своем маленьком городке.

Студенты чтили его за соучастие и открытость, резкость, с которой он порой высказывал свое мнение, и настойчивость, с которой он шел в наступление в борьбе за достижение своих целей.

За свои тридцать с небольшим семьям он так и не обзавелся, посвятив практически все свое время работе и образованию. Его романы были быстротечны, словно ледяные ручьи на склоне гор проносились вниз, разрывая бушующую гладь реки. К любви он относился как к вещи, придуманной писателями для создания особой атмосферы между героями их произведений. То, что сердце может стучать быстро, речь теряться, а тело нервничать, он считал не более, чем преувеличением, несколько не схожим с действительностью. Девушки уходили от него с послевкусием его черствости, холода и непроницаемого безразличия. Все их попытки выиграть войну заканчивались в самом начале. Чувствуя свое уязвленное женское самолюбие, которое гнало их прочь от него, они соглашались с проигрышем, абсолютно осознавая, что они так и не сумели даже пошатнуть его твердый уклад жизни и привычек.

В юности, поддавшись трагическому романтизму Ремарка, он позволил себе ощутить, как ему казалось в годы подросткового максимализма, самые искренние и чистые чувства, на которые был способен в свои 16 лет. Но, как и бывает в столь незрелом возрасте, его история оказалась коротка, а шрамы слишком глубоки. Испытав разочарования слишком рано, его тонкая чувствительная натура обзавелась довольно толстым панцирем, который если и способствовал успехам педагогической карьеры, то никак не влиял на его семейное благополучие.

Но, как это бывает очень часто, среди девушек его сухость воспринималась как разборчивость, черствость как благородство, а безразличие как галантность. Представительницы прекрасной половины человечества, особенно юные леди, велись на его отрешенность словно пчелы на сладкий весенний мед, пока, как и многих до них, действительность не окатывала

с головы до ног холодным потоком истинного положения вещей. И, гордо задрав носики, они уходили в тень тихо зализывать раны, оставленные острым лезвием нелюбви.

Он жил в небольшой квартирке на 7 этаже, сдержанной, слегка пустоватой, но подчеркнутой педантизмом своего хозяина. Иногда он рисовал пейзажи или иллюстрации к прочитанным книгам, иногда готовил, и все чаще засыпал за полночь. Каждое утро он начинал с чашки горячего черного кофе с молоком и пустого бутерброда с ломтиком колбасы и сыра. Уплетая привычную еду, не вызывавшую у него и капли наслаждения, иногда он поглядывал в окно, наблюдая затем, как проносится жизнь.

Из его большого окна примерно в полтора метра длиной и почти столько же шириной, открывался прекрасный вид на внутренний двор его дома. Он видел, как вечные мамочки, отстаивающие свою независимость и, при этом, не упускающие шанса напомнить всем вокруг о своем героизме и жертвенности, постепенно сменяли ворчливых старушек, обиженных на жизнь за то, что та все-таки отняла у них молодость, а вместе с ней, по-видимому, и всю доброту, дарованную при рождении. Хор громкоголосых мальчишек, медленно ступающих в нелюбимую школу, разбивали визжащую толпу молодых девиц, аккуратно удерживающих разноцветные пачки юбок. Каждый день, из года в год, картина оставалась неизменной, лишь задний фон – то снег, то дождь, то туман, то палящее солнце, подчеркивал спираль повторяющихся событий, вихрем закручивающихся на повороте.

В этот день утро казалось серым из-за тумана, за которым тихо притаились залежи снега, готовые в любую минуту укрыть в своем белом бархате маленький городок с его маленькими жителями. Посреди этой серости, расплзавшейся по каждому кирпичику каждого дома на его улице, резонансным пятном ярко желтого цвета привлек внимание воздушный змей, гордо парящий над голыми деревьями. Одинокой птицей он взмахивал ввысь, рвась на волю, но неизбежно возвращался преданным псом, прикованным цепью к своему единственному хозяину. Маленький мальчик лет шести крепко сжимал в руках рукоятку, удерживающую жажущего свободы воздушного змея. Рано утром, когда его родители еще не успели открыть глаза, ребенок, укутавшись в шерстяной шарф, согревающий теплом любимой бабушки, сбежал вниз по лестнице во двор, в совсем небольшой кусочек пока еще совсем ему незнакомаго мира, где на каждом углу его уже поджидали хитрые неприятности. Но он об этом еще не знал. Сейчас его глаза светились искренним счастьем – чувством, на которое способен лишь ребенок, не успевший ощутить горечи разочарований. Он еле дождался восхода солнца, чтобы выпустить на волю своего нового друга – воздушного змея с нескромным именем Царь. С детским восторгом и совсем взрослой сдержанностью он разматывал нить, медленно двигаясь вспять, тем самым раскрывая пространство для первого полета. Ветер, словно угадав его мысли, ловко подхватил воздушного змея, унося его дальше к высоким облакам. Трепет рвущейся души в унисон беспечному ветру звонко отдавался тревогой в утренней тишине пустого двора. Дрожь от волнения и борьбы пробегалась мурашками по холодным деревьям, безмолвным скамьям и домам. Ветер усиливался, туман разлетался в клочья, нить, сдерживающая две жизни, струнно напряглась в ожидании рывка, способного завершить гонения. Мгновение, нить сильно натягивается, змей резким взлетом вверх отчаянно падает вниз, в деревья, путаясь в безжизненных сухих ветках, каждым движением оставляя все меньше шансов на повторный полет.

Мальчик, робко смотря на своего воздушного змея, подаренного отцом накануне вечером, тихо опустил руки и медленно перевел взгляд на деревья. В своей безмолвной покорности он не знал, что делать, кого звать и как поступить. Глаза предательски заполнялись слезами, обида начинала медленно разрывать неокрепшую душу, разочарованием сквозило настоящее. На мгновение весь мир рухнул в тишине, которая прервалась криками только проснувшейся женщины. Она в панике сбежала под звуки глухо упавшей рукояти из рук ее ребенка, затерявшейся во вчерашнем снеге. Затем слезы, крики – двор погрузился в непроглядную серость,

подчеркнутую страданиями маленького человечка. «Малыш!», – слышалось вблизи. Ребенок обернулся, вытер слезы левым локтем и помчался к своей матери, к человеку, роднее которого он не знал. Мама крепко прижала мальчика к себе, нежно утирая слезы с его разгоряченных щек, стараясь найти подходящие слова утешения. В подмогу к ней уже спешил отец мальчика, сначала грозно настроенный в отношении ушедшего без спросу ребенка. Однако, увидев своего малыша, он мгновенно растаял и готов был сделать все, чтобы избавить ребенка от страданий. Но его несколько попыток спасти воздушного змея не увенчались успехом – в какой-то миг нить, еще сдерживающая бумажного друга, лопнула, и в его взрослых мужских руках осталась только рукоятка. Он прижал сына к себе и пообещал купить нового змея. Чуть позже, нежно обнявшись, все трое медленно пошли обратно в дом, а желтый воздушный змей, истязаемый ветром и сухостью веток, остался один, смиренно наблюдая за закатом своей так и не начавшейся жизни.

Наблюдая за происходящим, за гордым змеем, покинутым всеми, он задумался о ценности одиночества, с которым рано или поздно сталкивается человек. Одиночество – такое длинное слово, наполненное холодом и пустотой. Оно не вызывает удовольствий или наслаждений, оно пугает, притягивает страх, готовый сковать все тело в предчувствии неизбежного молчания окружающего мира. В это время пустота – вечный спутник одиночества, старается заполнить все живое, беспощадно разбивая твои мечты и надежды. И в итоге ты остаешься один на один, вокруг больше никого нет, за кем можно было бы спрятаться, или укрыть свои мысли, переживания, страхи. Даже если тебя окружают тысячи людей, ты их больше не видишь, слепым кротом закапываясь все глубже, сантиметр за сантиметром, в свои переживания. Потом ты отказываешься от своего права на выбор, прячешься, стараясь как можно дольше оставаться незамеченным. И так до тех пор, пока не остается ничего и никого, только ты и твое я. Ты трусишь, начинаешь паниковать и перескакивать с одной идеи на другую, судорожно перебирая варианты вырваться из своего кокона, но ничего не происходит. Уже ничего не произойдет – ты проиграл, горькое чувство ненужности уже поглотило тебя целиком. И именно тогда ты принимаешь окончательное решение – подняться и начать извлекать пользу от своего состояния и окружения, или поддаться волне безнадежности, которая унесет тебя во мрак кажущегося тебе вечным затворничества.

Перебирая мысли, он принял решение воспринимать свое одиночество, как свободу, абсолютное владение своим временем и мыслями, неподвластными больше никому другому. Свобода для него стала проводником в долгой и однообразной жизни, заполненной лишь черствым прагматизмом и редкими всплесками фантазии. Продолжая смотреть на желтого воздушного змея, он невольно сравнил его с собой, со своей молодой душой, истосковавшейся по искреннему чувству любви. На долю секунды он вернулся в один из самых грустных дождливых вечеров в своей жизни, пустую улицу, колкому холоду и резкому равнодушному «нет», произнесенному в раскате жестокого девичьего смеха. Судорожно передернув плечи, он встряхнул голову, освободив ее от случайных воспоминаний, перевел взгляд на заляпанный кофейник, затем на чашку с недопитым кофе, которая после некоторых колебаний была опустошена, а после – на замок и запертую дверь, отчаянно манящую выбежать наружу.

«Мне пора», – за несколько минут он завершил свои утренние сборы и отправился в университет, где его ожидала группа студентов, которые собрались услышать очередную лекцию о писателях «потерянного поколения».

Сегодня он рассказывал об Эрнесте Хемингуэе и его романе «По ком звонит колокол» [1]. Он говорил об отпечатке, оставляемом книгой после прочтения, жестокости войны, тысячах погибших, бессмысленности кровопролития. Три дня американского подрывника в Испании, в разгар гражданской войны, когда-то сильно повлияли и на него. Того же он желал своим слушателям – поддаться впечатлению, ощутить вкус жизни, осознать ее ценность, увидеть, что за несколько неполных дней можно успеть искренне любить, жадно жить и бесстрашно уме-

реть. На самые сильные чувства и самые смелые решения не всегда нужны годы и десятилетия, достаточно порой и нескольких часов, чтобы испытать все оттенки калейдоскопа чувств и понять смысл своего существования. Многие существуют просто так, бесцельно проводя свои дни, не замечая их быстрое течение, уходящую молодость, приближающуюся старость, а затем – неизбежную смерть. Ничего – это слово, характеризующее их состояние, подчеркивает своей бессмысленностью каждый прожитый их день. «А, ведь, и я сейчас живу именно так, под грозным штампом «ничего», – он замер в своей мысли и прервался.

Группа любопытных внимательно слушающих студентов совсем притихла. Он посмотрел на них, стряхнул с себя все лишнее в голове и продолжил. Смысл жизни не заключается в том, чтобы ее растянуть как можно дольше, оттягивая приближение смерти. Нет, смысл в том, чтобы не откладывать жизнь на потом. Жить нужно сейчас, сегодня, сию минуту, секунду. Не стоит беспокоиться о несуществующем «потом», этого «потом» может и не быть. Настоящее – все, что есть у человека, над чем он властен, чем может управлять. У каждого есть возможность встать и попробовать начать жить уже сейчас, не дожидаясь завтра, начать испытывать эмоции, как счастливые, так и грустные, чувствовать каждую вибрацию постоянно меняющегося мира, шепот осеннего ветра, шорох летней листвы, тепло весеннего солнца, свежесть утреннего мороза. Несколько дней, иногда на всю жизнь человеку дается всего несколько дней. Этого мало, скажут многие, но немногие промолчат, они просто не станут тратить время на доказательства, им этого просто не нужно, потому что они заняты более важной вещью – они успевают жить. «Быть может, и мне пора уже начать жить?» – он ухмыльнулся сам себе.

Лекция длилась несколько часов. Пока наивные первокурсники и уже старшие их товарищи внемли словам преподавателя, стараясь не пропустить ни единого слова. Молодые мужчины задумывались о подвигах, которые смогли бы придать их жизни красок, юные дамы в перерывах между охами и ахами чувственно хлопали закрученными ресницами, прокручивая в воображении свой вечер рядом с темноволосым лектором, университетские коллеги вели нечеткую стенограмму, выделяя целыми предложениями места, где хотелось бы поспорить. Громкая тишина, разделявшая пространство с твердым голосом преподавателя, царила в актовом зале университета. Интонационная пауза, вывод, логическое завершение и тема для домашних размышлений – лекция подошла к концу. Ответив на вопросы и внимательно выслушав жаждущих сказать, он собрал свой потертый кожаный портфель и направился в сторону выхода.

[1] «По ком звонит колокол» – роман американского писателя Эрнеста Хемингуэя, вышедший в 1940 году.

5

Ранняя зима маленького города освещалась холодной луной, столь рано забежавшей на вечернее небо. Хрупкие снежинки легким веером спускались на землю, неся с собой эстетическое наслаждение и успокоение уставшим глазам и измотанной душе. Он ступал не спеша по любимым улочкам, внимательно рассматривая каждый искрящийся надеждой свет ночных фонарей. Его мысли были заняты красотой. Как может крошечный кусочек света, вступая в неравный бой с крошечной темнотой настолько преобразовать мир вокруг себя? Вот-вот все казалось мрачным и печальным, погрязшим в зимних сновидениях, но стоит только включить фонарь, все, опять, приобретало краски. И ты снова начинал чувствовать, как тепло и жизнь разгорающегося фитилька согревают собой все вокруг, до чего только могут дотронуться. Красота – мера, придуманная человеком для измерения привлекательности. Каждое поколение определяло свои критерии красоты, одни из них исчезали со смертью человека, другие появлялись при рождении новой жизни. Но если на мир посмотреть чуточку шире – красота не только то, что видит красивым человек – существо, подвластное любому даже крошечному колебанию, красота есть отражение мира, его сущность, каждая его деталь, нужная и бесполезная (кстати, полезность, опять-таки, определяет сам человек), великая и ничтожная, яркая и незаметная. Все, что создано в мире, все, что существует с момента его сотворения – все является красотой, лаконичностью многогранной мысли, отражающейся фантазией в воображении человека. Свет фонаря – столь обычное событие, не имеющее ничего особенного, может вызвать искренний восторг удовольствия от возможности наслаждаться явью красоты. Созерцание борьбы света и тьмы наполнены истинной красотой, не подвластной влиянию извне. И ты понимаешь, что изящество монстра, его плавные изгибы, невежество формы соизмеримо элегантности и тонкости юной девы, робко ступающей босиком по утренней росе. В мире ничего безобразного не существует, лишь человек определяет грани чужой и собственной красоты.

Погрузившись далеко в свои мысли, он не заметил, как привычная дорога привела его прямо к порогу родного дома его матери, где он проводил частые вечера. Это была женщина, которая в свои 51 отличалась тонкой красотой счастливого человека, о чьих трудностях, пережитых страданиях, выдавал лишь глубокий взгляд, оттененный печатью усталости и одиночества. Она безмерно любила своего сына, и каждый раз встречала его теплым ароматом домашней выпечки.

В этот день свет горел в нескольких окнах на первом этаже дома – кухня и гостиная согревались теплом вечернего камина, слышался треск сухих дров и легкий смех нескольких женщин. Прислушавшись, он решил, что к матери зашла соседка, однако в одном из окон промелькнула огненно красная копна волос – обладательниц столь ярких причесок в городе он не знал. Позволив себе минуту сомнений, он твердо шагнул к крыльцу и постучал в тяжелую дубовую дверь. Никто не открыл, смех продолжал разноситься по всему дому, приглушая робкие удары по двери. Он еще раз, теперь с большей силой постучался – смех тут же прекратился, послышались легкие шлепки по гладкому полу – материнский шаг он узнает всегда. Женщина встретила своего сына искренней, хоть и слегка небрежной улыбкой – уж столь интересным ей казался разговор с юной собеседницей, что даже ожидаемый визит любимого сына показался ей неким сюрпризом.

Увидев неприкрытое удивление, которое, пробежавшись по лицу, быстро скрылось в морщинках женских глаз, он растерялся. Такая реакция матери на его визит казалась невероятной. Как же так, как эта женщина, которая души в нем не чаяла, вечно надоедавшая чрезмерностью своей опеки, каждое его появление подчеркивавшая значимость его существования, постоянно выплескивавшая на него океан любви и самых нежных чувств, которых с лихвой

хватило бы не на одного сиротского ребенка, тут вдруг замешкалась и совсем скромно по ее меркам встретила его. Он не понимал этого, чувство растерянности в нем уже переросло в некое возмущение, готовое вот-вот вырваться наружу, осыпать мать необоснованными обвинениями. Но тут он увидел свои любимые теплые бездонные глаза, которые обладали невероятным обескураживающим свойством, в одно мгновение под материнским взглядом он был обезоружен и смягчен. Неловко улыбнувшись в ответ, он обнял свою маму и шагнул в дом.

В то время, когда женщина закрывала дверь, его мысли были уже заняты балоновым пуховиком нежно-голубого цвета и кремовыми валенками. В голове маленькие моторчики уже запустили механизм, заставивший его прокрутить в памяти последние события, чтобы воссоздать всю картинку происходящего целиком. Ярко красные волосы, женский смех в два голоса, незнакомая верхняя одежда, наверное, какая-нибудь старая подруга, подумалось ему, однако он так и не смог припомнить столь смелых женщин в материнском окружении, которые были готовы на такие яркие эксперименты во внешности. Но ему не пришлось долго терпеть, предаваясь размышлениям – его бурную мозговую деятельность быстро прервала сама обладательница огненной прически.

Перед его взором предстала невысокая девушка с запоминающимися чертами лица, бросающимися зелеными глазами, которые удачно подчеркивал синий цвет ее растянутого свитера, красной короткой стрижкой и милой улыбкой, одной из тех, на которую невозможно было не ответить. Их неловкое рукопожатие и краткое знакомство умилило его маму, поспешившую проводить молодых людей в гостиную.

После нескольких вымолвленных фраз, он понял, что девушка приехала из одного провинциального журнала в их маленький городок специально за историей его матери. Сегодня – первая встреча двух женщин, одна из которых еще только учится жить, а другая – прожила, ни разу не учившись этому. Слушая их беседу, он поймал себя на мысли, что голос молодой гостьи действует на него успокоительно, окрыляя и волнуя некие, казалось скрытые для него самого нотки души.

– Сынок, не правда ли довольно милая девушка, наша гостья? – лукаво спросила своего сына женщина, заставив ее слегка смутиться. – Сынок? Ты все еще с нами?

– Что, простите? – словно ото сна пробудился он. – Мам, вы что-то сказали?

– Спрашиваю, не правда ли, наша гостья довольно милая и симпатичная молодая дама?

– Да, да, конечно, мама, вы как всегда правы, – поспешил он с ответом, забыв вникнуть в произнесенные слова. Дело в том, что в это время он просто был уже не здесь. Звонкий голос незнакомки проник до самой глубины его души, заставив ее трепетать от каждого слова, и унося далеко в мысли, казавшиеся ему услугой. Он не замечал, как шли часы, он не слушал разговоров, ни единого слова он не мог разобрать и понять, лишь звук голоса, такого нежного для его слуха, он воспринимал и впитывал в себя, не замечая своей неприкрытой блаженной улыбки, появившейся на усталом лице. Мамин вопрос лишь слегка пробудил его от легкого дурмана, но, медленно осознавая ее лукавство, он полностью проснулся, встрепетнулся, отвел взгляд, подчеркнув его хмуростью бровей, в сторону и буркнул в продолжение своего ответа, что-то неразборчивое, но дающее понять, что ему нет дела до чего-либо здесь происходящего, и вообще, ему пора домой.

Но его внезапный порыв покинуть материнский дом был остановлен необходимостью сделать несколько снимков для статьи. Было решено, что вопрос с фотографиями лучше закрыть сразу – фаталистическая натура матери взяла верх, настояв на фотографии немедленно. Фотографироваться он не любил и не умел, но матери перечить не осмелился. С сыновьей покорностью он встал рядом с женщиной, которая уже успела натянуть на голову огромную розовую шляпу и коралловые бусинки на шею, и робко приобнял ее. Демонстрация чувств и нежности ему давалась с трудом. Натянув небрежную улыбку, он постарался расслабиться,

но ничего у него не вышло – напряженный, скованный в руках и ногах, он с облегчением вздохнул, когда щелчок фотоаппарата вздрогнул, и съемки закончились.

Когда он уходил, девушка, притянувшая его взгляды, еще осталась – она продолжила, по настоянию его матери свою беседу, которая в какой-то момент переросла в легкую болтовню двух подружек за чашечкой вечернего кофе. Нежданная гостья не позволила ему ни на минуту расслабиться в родительском доме, даже не дав ему, как следует, насладиться материнской стряпней, которая согревала его все эти годы долгими зимними вечерами наряду с обожанием его матери.

Напряженный и обиженный он выскочил в прохладу заснеженной ночи, и, погрузившись в свое серое пальто, побрел по дороге по направлению к своей холостяцкой квартире. Возвращаясь, он уже не думал ни о красоте, ни о силе жизни, ни о смыслах всего его окружающего. Возбужденное слегка нервное его состояние не позволяло ему видеть мир в привычных для него красках, случайное помутнение не давало ему сосредоточиться на привычных вещах. Его воспаленному сознанию не хватало воздуха, фонари ему стали казаться тусклыми, мрачными тенями когда-то яркого света, огоньки внутри них уже не разгорались от одной мысли, наоборот, потухали при каждом обращенном в их сторону взоре. Что-то изменилось, что именно, он решил выяснить как можно быстрее.

6

Не заметив обратной дороги домой, он словно взлетел по лестничному проему и оказался рядом со своей дверью. Судорожно вставив ключ в замок, он повернул его несколько раз, но дверь не поддавалась. Он кое-как держал себя на ногах, ощущая резкую слабость, все пробуя и пробуя открыть эту несчастную дверь. Минуту спустя замок сдался, и он ввалился в квартиру, буквально дополз до кровати и упал навзничь. В это время свободно гулявший ветер, незванный гость этого вечера, тихонько проник в его спальню, сначала пробежался по всей квартире, подергал за занавески, скатерти и пустые кружки, вступил в сражение с неподъемной для него пуховой подушкой, одержал победу над вчерашними газетами, а потом вернулся к спящему мужчине. Слегка потрепав подол его пальто, оставшееся на его плечах, он поспешил вернуться на волю, в полет человеческой мысли о чем-то невозмутимом и неизбежном.

Он знал, что это такое, что значит полюбить, не себя, друзей, родных, или что-то неодушевленное, а женщину, полюбить творение небес, музу художников и поэтов, такую непонятную и никем не понятую. Лучшие умы человечества пытались осознать женщину, ее мысли и сущность, но к конкретным выводам, объясняющим ее и их проведение, на которое она влияет, так никто и не пришел. Он знал, что женщину можно лишь любить, однако старательно пытался этого избежать. Но сегодня, прекрасный теоретик, постигший истину любви на ремарковских страницах, проснулся с абсолютным пониманием того, что влияние противоположного пола коснулось и его, в нем вдруг зародились чувства искреннего тепла и света, от которых он так долго и кропотливо скрывался, прятался и избегал. Но в этот раз он был невнимателен и позволил этим чувствам заполнить все внутри, возвращая в себе единственное желание – вновь увидеть рыжеволосую чужеземку, так выпадавшую из привычного мира его маленького города.

Но он ничего не знал о ней. А ту информацию, которую можно было бы ухватить из разговора с его мамой, он пропустил мимо ушей, совершенно ничего не запомнив. Судорожно перебирая способы ее увидеть, он не придумал ничего более оригинального, чем начать с аккуратного ни на что не намекающего опроса матери формата «как бы между делом». Подготовившись уже бежать к пока еще главной женщине в своей жизни, он вдруг вспомнил, что его ждут в институте достойные его коллеги по вопросу плана работы со студентами в будущем семестре. С мыслью о том, что на время придется отложить все свои думы о возможном личном счастье, он направился в ванную, чтобы хоть как-то привести себя в порядок. День ожидался долгим.

Забросив бумаги в портфель, он надел свое пальто, предварительно обмотав шею полосатым шарфом, одним из тех, с полосками шоколадного оттенка, так явно говорящих о своем хозяине, что тот является представителем образовательной стези. На это недвусмысленно намекал и его кожаный коричневый портфель с жесткой ручкой и карманами по бокам. С легкостью он запер входную дверь, которая накануне сводила его с ума своим упрямством, и поспешил вниз по лестнице навстречу утренней морозной свежести.

Лифтом он не пользовался. Во-первых, ему не нравились вещи, которые он не мог контролировать сам, а лифт как раз попадал в этот список. Те минуты, которые по воле случая ему приходилось проводить в закрытой металлической кабине, не приносили ему никакого удовольствия, наоборот, он начинал нервничать, торопиться, покрывался тонкой испариной. Он не доверял механизму и ощущал постоянную вероятность падения, внезапной остановки и еще кучу всяких жутких вещей. Зато выскакивал он из лифта очень быстро, жадно хватая воздух и радуясь долгожданному освобождению. Кто-то бы мог сказать, что на лицо все признаки клаустрофобии, зарождаемой паникой, но он бы с этим не согласился, резко подчеркнул бы, что чувство дискомфорта у него возникает именно в лифтах, а не в каких-либо замкну-

тых пространствах. А во-вторых, ему нравились пешие прогулки, лестницы, дороги, тропинки, тротуары. Он получал искреннее удовольствие быть частью, хоть и небольшого, но путешествия от дома до работы, с работы до дома, до матери, кафе, парков, до всего, что ему было интересно и вызывало любопытство. А интересно ему было все, вся жизнь, каждый ее кусочек. Поэтому, боясь потерять время внутри чего-то, он старался постоянно находиться во вне, наслаждаясь текущим настоящим.

Сегодня он не торопился. Медленно передвигая ноги, он словно полз по земле, не имея сил поднять глаза. Внутренние думы его настолько сильно взяли в оборот, что окружающий его мир перестал будоражить воображение красками, случайные прохожие оставались лишь случайными прохожими, а звуки шумной детворы заглушала тревожная тишина внутреннего мира.

«Что же делать» – его не покидала одна единственная мысль, внезапно настигшая его и сменившая сладостные предвкушения новой любви. В смятении он пытался понять, что именно он чувствует сейчас, но чем больше он пробовал разобраться в калейдоскопе собственных чувств, тем больше запутывался и не понимал, что ему делать дальше. Одно он осознавал точно – пленившую его молодую женщину нужно вновь увидеть и немедленно. Почему? Потому что тут было два варианта развития событий – либо все, что он чувствует – это мираж, навеянный усталостью, легкой меланхолией и постоянным одиночеством, готовый вот-вот раствориться в пустынях человеческих грез, либо все это серьезно и болезнь лечению не подлечит. Лишь встретившись вновь, и снова поймав взгляд ее нежно зеленых глаз можно было это все понять.

Перебирая в голове мысль за мыслью, он не заметил, как приблизился к проезжей части улицы. Резкие гудки и быстрое торможение поворачивавшего автомобиля с синими потертыми дверьми и красной облупленной крышей, вернуло его в сознание, слегка задев края его пальто. Постаравшись не принимать близко к сердцу понятные ругательства водителя, он поспешил извиниться, вернуться к началу пешеходного перехода. И, лишь дождавшись нужного огня светофора, снова ступил на проезжую часть.

До его университета оставалось всего несколько кварталов. Собравшись с силами, он отогнал от себя все мысли о незнакомке и постарался сосредоточиться на предстоящем диалоге. Речь предстояло вести об учебном плане на последующий семестр, который ему хотелось разбавить несколькими вылазками в соседние более крупные города, где успешно работали экспозиции, посвященные авторам «потерянного поколения» и их взглядам на мировые войны ушедшего столетия. Он размышлял о предстоящем разговоре, что-то помечал, додумывал и планировал завершить диалог, поставив жирную точку истиной Льва Толстого «знание смиряет великого».

Первый этаж университета тянулся далеко вперед широким светлым коридором, вдоль которого параллельно друг другу располагались двери, ведущие в просторные кабинеты. Коридор, разделенный на несколько частей зелеными залами, заканчивался пыльной каморкой со старыми швабрами и грязными тряпками. Именно здесь, в забытой комнатке, где, кажется, можно все еще найти доисторические чистящие средства, часто встретишь юных влюбленных, украдкой поглядывающих друг на друга, талантливых музыкантов, мечтающих о большой сцене или молодых физиков, работающих над новым экспериментом. Преподавательский состав давно знал о якобы тайном месте, но не вмешивался и не вешал на дверь замки – несмотря на наличие разнообразных кружков, сообществ и организаций, оставались единицы, которым было комфортно находиться в своем собственном мире, лелея свою неизвестную пока еще никому тайну. Но она моментально выплескивалась наружу, стоило только творцам достичь своего идеала.

Всех посетителей встречал добродушный охранник лет пятидесяти в темно-синей отглаженной форме и бейджем с именем «Карл». За все 20 с лишним лет безупречной работы никто

так ни разу и не поинтересовался, его ли имя написано на кусочке слегка пожелтевшей бумаги, предпочитая верить всему, что видят глаза. Да и начальство, наверное, уже позабыло, что Карл – это вовсе не Карл, а его старший брат, когда-то сменивший на посту своего внезапно ушедшего родственника. Трагедия их семьи тогда потрясла весь город, резонансной волной прокатившись по соседним населенным пунктам. Семнадцатилетний подросток с большими амбициями и мечтами просто исчез в один из заснеженных дней рано утром. Он вышел из дома в сторону института, где его ждал пост охраны учебного заведения – парень мечтал учиться в этом университете, но в силу ограниченного семейного положения не мог себе этого позволить, а знаний и времени подготовиться к поступлению ему не хватило. Вот он и выбрал такой вариант пребывания в стенах ученого дома в качестве охранника, естественно, временно. В будущем, возможно, его ожидал ошеломительный успех и известность в качестве литературного критика или великого физика, однако тот день перечеркнул ему все дороги.

Гордо смотря вперед, он решил срезать путь до института через зимний парк с озером, покрытым тонкой нитью льда. Его нашли лишь по весне, когда заледевшая корка растаяла, и его молодое, распухшее от воды тело прибило почти неслышной волной безымянного водоема. Виновников так и не нашли, списав все на несчастный случай. Город, который, как и многие провинциальные тихие городки, совершенно не готовый к подобной шумихе, погоготал пару месяцев и забыл. Забыли все, предпочитая не вспоминать это историю, словно нежеланный кошмарный сон. И друзья, и родители, каждый решил для себя, что всего этого не было, оставив отголоски печального события на растерзания городским байкам. Лишь его старший брат, бескорыстно всем сердцем и душой любивший его, так и не смог забыть потухшего взгляда и бледного лица подростка. Смерть младшего брата оставила неизгладимый отпечаток на его жизни, невольно забрав все желание жить и радоваться новому дню.

Спустя пару лет, бредя по знакомым улочкам, он случайно дошел до университета, из-за огромных дубовых дверей которого ему улыбался молодой охранник. Истерзанный страданиями и упреками к самому себе он вдруг решил вернуться туда, где его брат был счастлив, по крайней мере, так ему казалось. И вот он устроился работать охранником в этот большой и светлый университет. Когда он выбирал себе форму, он случайно наткнулся на потрепанный бейдж с именем «Карл». Это его тронуло. Украдкой смахнув предательскую мужскую слезу, он понял, что не в силах выбросить это имя, и с тех пор оно гордо украшает его куртку вот уже более 20 лет. С годами слегка набравший доброты и седины, он в каждом студенте продолжал видеть своего младшего брата и возможности, а в каждом преподавателе – так и не наступившее для подростка будущее.

Охранный пост сменялся коридором и двумя спиральными лестницами, ведущими на второй этаж. Со времени своего появления здание несколько раз претерпевало вынужденные изменения. В годы Первой мировой здесь находился госпиталь, а во Вторую мировую силами упавших снарядов навсегда не стало левой части строения, лишь винтовая, покрытая бронзой лестница напоминала о пристройках и бывших светлых этажах, выполненных несколько столетий назад в романском стиле. Спустя пару десятилетий здание было восстановлено, появилось еще несколько ярусов, а с годами постоянная модернизация создала современное просторное для ума и тела учебное заведение в несколько корпусов, с большой зеленой территорией, богатой библиотекой и собственным научным центром.

Студенты, фантазируя себя на лужайках Кембриджа, в теплое время года любили коротать свободные минуты под тенью многовековых дубов, читая стихи и ведя философские разговоры. Преподаватели, словно властители миров, молча наблюдали за происходящим вокруг, слегка корректируя действия своих подопечных, но всегда оставляя выбор за ними – падать или подняться.

В этот день зал ученого совета гудел – перед долгожданными выходными каждый торопился сдать свой рабочий план и быстрее скрыться за входной дверью. Он постучал и вошел,

плотно закрыв за собой дверь в самый разгар спора двух преподавателей об уместности использования трудовой практики в качестве наказания и поощрения молодого поколения. В силу бурных эмоций и негодования от внезапного несогласия двух сторон его никто даже не заметил. Он тихо сел и молча наблюдал за происходящим. Баталии разворачивались серьезные, один из преподавателей, седовласый мужчина с короткой бородкой и в твидовом пиджаке явно настаивал на том, что только труд может сделать человека человеком. Второй, который был чуть ниже, изрядно плотнее и моложе в узкой клетчатой рубашке, заправленной в коричневые брюки, говорил о свободе выбора на труд и самозанятость. По взгляду наблюдателя, у каждой из сторон были разумные доводы, требующие внимания, однако единого мнения достичь просто было невозможно – процесс доказательства и убеждения был настолько захватывающим, что сами затейники всей заварухи, в итоге забыли, зачем они все это начали.

Зал привел в тишину громкое «достаточно» старшего профессора кафедры мировой литературы. Воспользовавшись внезапным затишьем, он направился к ректору, которому и вручил свой план работы на новый семестр с предложениями экскурсионных выездов. В ответ он услышал задумчивое молчание и недоверие в глазах, которые спустя секунду расформировались в натянутой улыбке морщинистого лица.

– Мой любезный друг, не считаю нужным даже выносить на обсуждение ваше предложение. Оно, признаюсь, правильное и полезное, однако все финансовые возможности в этом году уже исчерпаны, и данный проект нам поддержать просто нечем. Давайте договоримся с вами, что мы оставим этот вопрос открытым и вернемся к разговору после зимних каникул, возможно, в следующем году нам будет, чем удивить вас.

Улыбка снова растянула лицо уже немолодого ректора, и, добавив, что, безусловно, с другими пунктами предложенного плана он согласен, обратился уже к другому преподавателю.

Попытавшись вставить свою пару слов, он вдруг понял, что занят совершенно не тем, чем бы ему хотелось. Все это его уже не интересовало. На будущий год? Отлично, мы решим этот вопрос в будущем году, но не сегодня, и не сейчас. Согласившись и быстрее откланявшись, он поспешил прочь из этого зала, наполненного профессорской суетой, высокопарными речами и заунывными темами для беседы о бюджете, хозяйстве, учебном процессе, которые всего пару дней назад его волновали и беспокоили, а сегодня не трогают ни глубиной проблем, ни интригой разрешения.

Все дальше от института по колкому морозу он почти бежал по направлению к материнскому дому, наивно надеясь увидеть в нем огненную чужеземку, робко пьющую горячий кофе. В голове у него уже вертелись вопросы, а как, а что, зачем, а почему, впервые за долгое время он сильно волновался, возбужденный предвкушением встречи он задыхался от нехватки воздуха и сильного жара, охватившего его тело. Возле самого дома он остановился. Двор, прятавший в снегу погибшие с первыми морозами последние намеки на лето, семейку страшных гномов из серии а-ля идеальный садик, остатки ржавого инвентаря, таил в себе громкое молчание ушедших дней, безвозвратно канувших в прошлое. Широкое окно, которое выходило во двор, явно скрывало все происходящее под тяжелыми шторами грязно-бордового цвета. Он растерялся, не осмелившись постучать в дверь, он перебирал свои мысли, отбрасывая все «а вдруг», пока не осталось единственное твердое «ее здесь нет и быть не может». Он взглянул на время – часы близились к полудню. В столь ранний час, конечно же, ее здесь быть не могло. На что он надеялся? Ему показалось, что прошли не секунды внутреннего сражения, а протяженная англо-французская война длиной в целое столетие. От ощущения своих ошибочных суждений ему стало грустно и бесконечно одиноко. Будто все силы разом его покинули, оставив пустую оболочку, укутанную в теплое пальто. Он почти повернул обратно, как дверь открылась, и удивленные возгласы матери слегка растормошили его.

На вопросы, почему так рано и почему не предупредил, что придет в час палящего зимнего солнца, он растерянно улыбнулся и невнятно напомнил о приближающихся выходных.

Не найдя подходящих отговорок, он согласился сопроводить ее в прогулке по парку, надеясь на то, что время будет потрачено не зря и он сможет узнать какие-нибудь подробности о далекой гостье с пронзительным взглядом изумрудного цвета.

Часы тикали, минуты таяли, женщина все говорила. Ее слова исчезали в холодном безмолвии замерзших деревьев, он пытался в них вслушиваться, но очередные повороты про необходимости и магазины вызывали в нем только механическое «да, мама». Его внутреннее переживания давно унесли его за пределы этого парка и маленького города, возвращаться ему не хотелось, безнадежность переполняла, перспектива изменений медленно растворялась в холодном воздухе декабрьского дня.

– Эта девушка ни на кого здесь не похожа, не правда ли?

– Простите, вы что-то сказали, мама? – снова не расслышал он.

– Девушка, ты ее вчера видел. Милое создание, кажется, совсем не тронутое пороками нашей искаженной реальности.

– Мама, вам не кажется, что вы слегка перегибаете? – он нахмурил брови, пытаясь отогнать от себя какие-либо мысли о всевозможных пороках, которые могли бы коснуться нарисованного идеала в его голове.

– Я ничего плохого не имела в виду. Просто говорю, что она совершенно не вписывается в наш маленький мир. Ее речи, взгляды, внешний вид, все выпадающее...

– Неотразимое и прекрасное, – он не сдержался и смущенно вздохнул, пытаясь перевести разговор на другую тему. – В это время года природа особенно хороша, не правда ли? Посмотрите, какими необычными и причудливыми образами искрится снег на полуденном солнце.

Ей не нужно было задавать вопросы, искать ответы и быть навязчивой и любопытной. Лишь на мгновение задержав свой взгляд на потерянном взгляде сына, она поняла весь его трепет, волнение и рассеянность. Она всегда старалась не быть одной из тех мамочек, которые стремились занять все пространство вокруг своего единственного ребенка, но, почему-то, вместо радости о счастье сына ее наполняло беспокойство и легкая грусть. Она понимала, юная особа, задевшая душевные струны ее сына, может упорхнуть завтра, послезавтра, в любой день, в который ей захочется, и ничто не удержит ее, а разбитое сердце его останется, останутся пустые надежды и разочарования. Но что она могла сделать? Прятать взрослого мужчину от бурлений настоящей живой жизни? Конечно же, нет, она понимала, выбор сына ей не изменить, все, что в ее силах – это поддержать, просто молча поддержать, а когда придет время падать – подставить плечо, чтобы не было так больно.

– Она должна завтра подойти. Мы договорились встретиться – ей нужны какие-то уточнения. Часов в семь мы будем пить послезакатный кофе, – мягко сказала она, наблюдая за изменениями в своем сыне, который словно согнутое бурями дерево выпрямлялся с лучами вновь взошедшего солнца. – Буду рада, если ты присоединишься к нам.

– Не уверен, что получится, – буркнул он, пожалев о своих словах мгновенно, но продолжив наигранно раздражительный и равнодушный тон. «Будто ребенок», – промелькнуло у него в голове. – Завтра вечером я буду занят, думаю, очень занят.

– Как скажешь, в любом случае, мы будем рады твоему обществу.

Он ничего не ответил, отвернулся и очень быстро погрузился в себя, в свои грезы и предвкушение новой встречи. Пospешно попрощавшись с матерью, он быстро зашагал домой.

7

Завтра, завтра, уже завтра, – крутилось у него в голове, разгоняя в стороны все косвенные мысли, медленно проплывающие в попытке удержаться во внимании хотя бы долю секунды. Все валилось у него из рук, сосредоточиться никак не получалось, он попробовал лечь спать, но память не давала ему покоя, механизмы в голове работали, как часы, четко отбивая в голове каждую мысль, тело переставало его слушать, паника охватывала и начинала сводить с ума. Резко вскочив с помятой и несвежей постели, он решил, что ему нужен кофе. Черный, как смоль, горький, как утрата, напиток не принес ему никакого удовольствия, лишь привкус разочарования и досады.

Не найдя ничего лучше, он решил вернуться в зимний городской парк, на заснеженные белые улицы с надеждой на успокоение его взволнованной души. Недочитанные письма Ремарка о любви к Марлен Дитрих он прихватил с собой.

Тихий сверкающий на полуденном солнце парк к вечеру приобрел краски стремящейся к свободе шумной молодежи с оттенками беспокойных мам с маленькими орущими детьми и бессвязно блуждающими случайными прохожими. Определенно, в этом хаосе он места себе найти не мог. Быстро проскочив нежеланную толпу, он оказался на широкой центральной улице, освещенной огнями ночных фонарей. Недавние рассуждения о пламени почти вернулись к нему, но, как и другие мысли сегодня, мгновенно растаяли, будто в тумане тусклый свет карманного фонарика. Сквозь влюбленные парочки, шумную детвору и одиноких старцев он прошел стойким фрегатом, стремящимся к родной гавани.

В реальность его вернул знакомый аромат карамельной выпечки, которую он в самые радужные свои дни уплетал с детским восторгом под лирическую музыку со сладким пряным горячим шоколадом.

Маленькая кофейня, напоминающая французскую булочную, встречала гостей широкой лестницей в шагов десять, выполненной из тонкого темного металла, аккуратно сужающейся к входной ажурной двери из тяжелого дерева шоколадного цвета. Внутри помещение казалось не большим, но уютным – несколько круглых столиков с накрахмаленной скатертью, деревянная стойка, выполненная в таком же изящном стиле, как и парадная дверь, приятная хозяйка, быстро бегающая среди посетителей с радушной улыбкой и приветливым голосом. Все возвращало к приятным воспоминаниям и так недостающей сегодня гармонии. Он вытащил аккуратную папочку со слегка потрепанными письмами – сокровище, которое ему досталось совсем случайно от одного столичного друга, и направился к самому дальнему столику рядом с просторным окном. Он заказал горячий шоколад, карамельный круассан, и, надев очки в тонкой оправе, погрузился в чтение в этот раз трудно поддающихся ему страниц. Шурша помятыми листами слегка выцветшей бумаги, он медленно переносился в мир, полный любви, непонимания, одержимости и расставания. На очередном письме Ремарка он на мгновение поднял взгляд, отреагировав так на громко хлопнувшую дверь. В секунду сердце забилось так сильно, что он почти схватился за грудь, пытаясь хоть как-то удержать его внутри. В горле пересохло, а кислорода резко стало мало. Пытаясь вырваться из оков, он изо всех сил набрал воздуха и начал медленно дышать, отсчитывая до десяти. Такой способ, помнилось ему, должен был помочь справиться с внезапно возникшим приступом паники и чрезмерным неврозом. Спустя пару минут ясность вернулась к нему – реальность начала принимать привычные очертания, все становилось на свои места, и он, стараясь больше не поднимать головы, попытался вернуться к чтению, которое больше никак не могло его поглотить. Увы, но наслаждаться письмами сегодня, ему уже было не суждено. Страницы его больше не цепляли, внимание рассеялось, а одна и та же строчка, прочитанная уже в 15-й раз, стала его раздражать.

8

– Привет, – произнесла она несколько неуверенно, попросив разрешения присесть за его столик. – Вид из этого окна очень завораживает.

– Ага, – буркнул он, стараясь не поднимать взгляда, и жестом разрешил ей сесть. Он подумал, что его волнение уже рассеялось призраком заснеженной ночи, но, увидев ее рядом, его сердце застучало еще сильнее.

Она сидела почти неподвижно, ее глубокие зеленые глаза спокойно смотрели в мир через стекло высокого окна. Казалось, ее взгляд направлен не на зимний двор с незнакомыми ей прохожими, а куда-то далеко, в таинственную известную только ей вселенную, немножко грустную, но родную и любимую. Свет горящей лампы, дополняющей убранство столика, в борьбе с основным освещением аккуратно подчеркивал ее изящные черты лица, линию чуть-чуть обветрившихся губ алого цвета, легкий румянец, изгиб шеи, слегка покатые хрупкие плечи, спрятанные под синим свитером. Она была как будто безучастной, тихонько пила свой латте, и никак не решалась посмотреть на своего молчаливого собеседника.

– Здесь очень вкусный кофе, – он начал первый в попытке завязать разговор.

– Да, – согласилась она, прижавшись губами к картонному стаканчику.

И вновь тишина. В другом углу помещения послышался громкий хохот совсем молодых ребят. Трое друзей искренне смеялись над своим четвертым товарищем, рыжеволосым мальчишкой лет 15ти с таким же рыжим от веснушек лицом. От волнения быть рядом с такой крутой для него компанией он с жадностью набросился на взбитый молочный коктейль, не заметив на своем лице оставшиеся очаровательные усы бледно белого цвета. Глядя, как его друзья смеются, несколько секунд он искренне не понимал, что вызвало столь горячую реакцию. Но, почувствовав плавно стекающую пенку к губам, он все понял и покраснел от смущения, из-за чего его лицо стало особенно красным.

Улыбнувшись слегка курьезной ситуации, они вновь отвели взгляд в разные стороны, жадно дергая свои мысли с надеждой завязать разговор. Молчание прервала хозяйка заведения, невысокая женщина средних лет с плотной шишкой темных волос на голове, светло-розовом платье с белыми рюшами. пышные формы ее фигуры подчеркивал белоснежный фартук с парой карманов, плотно прилегающий к талии. С добродушной улыбкой и ясным голубым взглядом она предложила еще один шоколад, отметив необычную для их городка красоту его спутницы. Согласившись, он смущенно, как подросток, посмотрел ей в глаза и произнес: «Да, очарование моей спутницы можно приравнять лишь к истинной красоте чистого неба». В ответ хозяйка улыбнулась и быстро зашелестела подолом пышной юбки в сторону кухни.

– Какие интересные метафоры вы используете, – улыбнулась она.

– Спасибо, это, всего лишь, издержки моей бесконечной любви к литературе.

– Ваша мама мне рассказывала, вы читаете о литературе. Расскажите мне о своей работе, нравится ли вам то, что вы делаете?

– Истинно. Я бы ни за что на свете не стал делиться своими знаниями в литературе, если бы не был в них уверен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.